

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НЕМЕЦКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ НА РУБЕЖЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена специфике положения женщины в среде правящей элиты Германской империи в первую половину XVI в. Рассматривается положение немецкой княгини в официальной (публичной) сфере; в рамках аристократической семьи и института династии; политические аспекты матримониальной практики и свадебной церемонии.

Ключевые слова: гендерная история; немецкая княжеская элита; раннее Новое время.

Целью данной публикации является анализ места и роли женщины-правительницы в социополитическом пространстве Германской империи в начале раннего Нового времени. В рассмотрении поставленной проблемы мы опирались в первую очередь на данные, представленные крупными специалистами по гендерной истории в ряде коллективных монографий, посвященных как гендерной проблематике в целом, так и специально истории женских элит: «Немецкие женщины в раннее Новое время: поэтессы, художницы, меценатки» (2000), «Династия и обеспечение господства в раннее Новое время: род и пол» (2002), «Княгиня и князь. Семейные связи и возможности высокородных женщин в Средневековье» (2004), «Женщина в Европе. Миф и реальность» (2005).

Спектр тем, затрагиваемых исследователями женской элиты, достаточно широк. М. Виснер [1] рассматривает литературно-публицистическую деятельность герцогини Елизаветы Брауншвейг-Люнебургской (1510–1558). Х. Вундер [2] обращается к положению женщины в рамках института династии в немецких территориальных государствах раннего Нового времени. Дж. Беплер [3] анализирует дискурсы популярного в эпоху XVI–XVII вв. в княжеской среде Империи жанра – женских похоронных книг, содержащих, по мнению ученой, идеализированные модели бытования знатных женщин. К. Нольте, исходя из перспектив повседневной истории и истории семьи, исследует отношение правящей элиты к собственной телесности, роль здоровья правителя в политической жизни, семейное насилие, рождение детей. К. Вальш обращается к обязанностям репрезентации и политической ответственности княгинь. П. Пуппель на примере борьбы между овдовевшей ландграфиней Анной Гессенской (1435–1525) и территориальным рыцарством анализирует специфику материнского регентства в раннее Новое время [4–7]. Б. Бастл [8, 9] изучает место знатной женщины на разных жизненных этапах в рамках аристократической *familia*. Л.М. Колдау [10] делает характеристику культурной жизни при дворах женщин из дома Габсбургов. Помимо собственно гендерных исследований, были использованы также монографии немецких историков Р. ф. Дюльмена и Т. Рана. Дюльмен в разделе «Свадьба и супружество» своего трехтомного труда «Культура и повседневная жизнь в раннее Новое время» (2-е изд., 2005) [11] изучает составляющие процесса вступления в брак и социальную роль супружества. В книге рассматривается история разных социальных слоев, однако в ряде случаев автор отдельно останавливается на ситуации в среде элиты. Т. Ран в монографии о придворных свадьбах в Южной Германии [12] обращается к образам и дискурсам свадебного празд-

ника в общей системе придворного церемониального комплекса.

Используемые немецкими учеными исторические источники – в первую очередь письма благородных женщин и придворная публицистика раннего Нового времени (посвященные княгиням похоронные книги, тексты-описания свадеб) – выступают как способы выражения дворянского самосознания, формы династической мемории, обращения к будущим поколениям [3. С. 135–137; 8. С. 51; 12. С. 46; 13. С. 526 и др.]. Применяемые исследователями подходы позволяют увидеть затрагиваемые сюжеты в ракурсе глобально-исторических процессов рубежа раннего Нового времени. Так, Б. Бастл, построившая свой анализ на материалах, касающихся австрийского дворянства, вместе с тем выделяет общие особенности менталитета европейской знати этой эпохи; Г. Нольте удается посредством обращения к отдельной династии выйти на общеимперские закономерности [8. С. 73–74; 9. С. 321]. Историки рассматривают процесс заключения брака и семейную сферу в контексте общего секуляризирующего процесса модернизации, цивилизационных трансформаций раннего Нового времени [8. С. 72; 11. С. 158]. В привлеченных нами публикациях роль женщины из среды немецкой правящей элиты определяется или в масштабе раннего Нового времени в целом или его первой половины до XVII в. включительно. Исходя из общих проблем исследования, мы по возможности сконцентрируемся на первой половине XVI в. – эпохе накануне Реформации и первых годах ее протекания, до начала широкого процесса конфессионализации в лютеранских и католических странах постреформационной Империи. Наша задача состоит в выявлении специфики данного периода истории женской княжеской элиты и гендерных отношений в среде высшей знати Германии.

Обращаясь к непосредственному присутствию немецких женщин-правительниц в политической области (*Öffentlichkeit*), следует начать с вопроса об их отношении к власти. Как отмечает один из авторов современного учебника по раннему Новому времени Д. Фрайст, выборный характер верховной власти в Германии исключал женщин из числа наследников имперской короны. В немецких территориальных княжествах дочери и вообще родственницы правителей также выпадали из линии преемственности династии [14. С. 196]. В то же время правительница занимала в политическом пространстве определенную нишу. Вместе со своим супругом княгиня принимала участие в целом ряде придворных церемоний, на которых правящая супружеская пара символически выступала как отец и мать своего народа [2. С. 21–22]. Женщины могли получить и пер-

сональную власть – в частности на время отъезда или болезни правителя [5. С. 265; 6. С. 250].

Следует упомянуть такую сферу деятельности немецких правительниц, как придворная практика. Л.М. Колдау на примере дома Габсбургов показывает женские возможности в этой области. Так, дочь Карла V Мария Испанская (1528–1603) в 1548 г. организовала собственный двор в Вене. Другие случаи активной придворной деятельности женщин этого периода связаны с именами Маргариты (1480–1530) и Марии Австрийских (1505–1558), которые будучи наместницами императора (штатгальтерами) в Нидерландах, царили в созданном там дворе [10. С. 116, 120]. Возможности княгинь, не принадлежащих непосредственно к императорскому семейству, в отношении создания своих дворов были более ограничены. Г. Нольте в результате анализа истории Бранденбурга выяснила, что маркграфини Ансбахские имели свиты, но не двор. В то же время она подчеркивает, что «женские комнаты» с организуемыми в них беседами, играми и танцами на протяжении значительной части дня образовывали «общественный центр» общего княжеского двора [9. С. 322].

Наиболее серьезную роль в политической сфере женщина-правительница приобретала по достижению жизненной стадии вдовства. После смерти мужа женщина из среды высшей немецкой аристократии нередко получала возможность принимать непосредственное участие в осуществлении власти в качестве правительницы или регентши. Причем, по мнению К. Вальш, выступая как носительница «мужских добродетелей», она могла вполне позитивно восприниматься ее современниками. Ярким примером выполнения княгиней роли «государственного мужчины» является исполнявшая с 1530 по 1555 г. обязанности штатгальтера сестра Карла V Мария Австрийская. Мария овдовела достаточно молодой и приняла решение, несмотря на многочисленные предложения, не выходить снова замуж. Потеряв мужа в двадцать один год, она пробыла вдовой более тридцати лет [5. С. 276]. Успех государственной деятельности этой правительницы в Нидерландах оказался ограниченным вследствие проблем, вызванных реформационным движением; однако ее опыт демонстрирует яркий пример политического прагматизма. Испытывая ярко выраженный интерес к Реформации и гуманизму (особенно Эразму), Мария выстраивала свою деятельность в религиозной сфере, исходя в первую очередь из семейных династических интересов [5. С. 267, 277].

Среди территориальных правительниц в этой связи внимание исследователей привлекает фигура Елизаветы Брауншвейг-Люнебургской (рег. 1540–1546). Елизавета не только способствовала началу Реформации в княжестве своего мужа при его жизни, но и во вдовстве произвела коренное преобразование церковной сферы [1; 15; 16. С. 10]. Сохранилась рукопись Елизаветы о самостоятельной жизни во вдовстве; она также прославилась как автор наставлений для своих сына и дочери [17. С. 956–957]. М. Виснер на примере биографии Елизаветы Брауншвейгской также приходит к выводу о роли женского регентства в общем усилении власти территориальных правителей [1. С. 47–48]. Другая знаменитая княгиня начала раннего Нового времени –

мать лидера реформационного движения ландграфа Филиппа Мужественного Анна Гессенская (рег. 1514–1525). Анне пришлось столкнуться с длительным противостоянием земельного рыцарства ее праву на регентство. В фигуре княгини воплотились общие закономерности государственного развития Гессена – усиление верховной княжеской власти и попытки местного дворянства противодействовать этому. В итоге благодаря как деятельности самой ландграфини и ее ближайшего окружения, так и поддержке, оказанной ей со стороны императора, тенденция к централизации, упрочению династии восторжествовала [6. С. 249–250, 256].

Практика материнского регентства была достаточно широко распространена в рассматриваемую эпоху. Особенно это касалось небольших по размеру государств. Как пишет Х. Вундер, опека вдовы над наследником престола выступала как надежное средство сохранения династического континуитета после смерти правителя. Пожилые князья в случае смерти их жен стремились быстрее подыскать себе новую, молодую супругу для будущего исполнения последних обязанностей опеки в случае несовершеннолетия наследника. Возможность регентства предопределяла дававшееся принцессам достаточно высокое образование [2. С. 9, 25].

Впрочем, политическая роль княгини-вдовы не ограничивалась практикой регентства. Даже не получив возможности непосредственного осуществления власти при малолетнем сыне, вдова, особенно пожилая, имела достаточно широкие prerogatives, выполняя символические функции. Б. Бастл, например, показывает, что одевание овдовевшей княгини в раннее Новое время было связано с целями репрезентации. По мнению историка, на физическое тело вдовы проецировались политические и религиозные символы, одежда становилась важным социальным индикатором (причем использовавшимся не только наглядно, но и в языковой форме – в текстах источников). Используя при этом черную и белую краски (лишенные цвета) служили знаками целомудрия и благочестия [8. С. 66–71]. Не только одежда, но и весь уклад жизни княгини после смерти супруга выступал как выражение набожности и преданности Богу. Не случайно образ вдовы нередко ассоциировался с женщиной-вираго, лишенной признаков своего пола [3. С. 139–140; 8. С. 69]. Пожилая княгиня могла выступить в роли «матери отечества», воплощая в своей фигуре идею единства и преемственности династии [2. С. 26; 5. С. 266; 6. С. 262]. Как уже было отмечено выше, посвященные вдовам похоронные книги представляли собой одну из форм хранения династической памяти [3. С. 135–137].

Таким образом, немецкая правительница могла стать организатором собственного двора или, по крайней мере, свиты; ее окружение в определенной мере задавало тон в придворной жизни. Княгиня играла важную роль при своем супруге-правителе, символизируя вместе с ним династию и господство. Особенно важной становилась политическая роль правительницы во вдовстве. В случае малолетства наследника его мать могла стать регентшей и даже имела возможности проведения самостоятельной политики. Но и в случае прихода к власти сына, овдовевшая княгиня выполняла целый ряд символических и репрезентативных функций. Выступая в ро-

ли «матери отечества», вдова воплощала в своей фигуре идеи преемственности власти правящего дома. Посвященные княгиням похоронные книги служили целям формирования династической памяти.

В отличие от других социальных групп для высшей знати раннего Нового времени официальная и семейная сферы бытования были тесно связаны друг с другом. В качестве характерной формы существования аристократии в Империи в целом и в отдельных княжеских государствах Германии раннего Нового времени в частности выступала династия. Сами эти государства определяются именно как династические [2. С. 14]. Б. Бастл показывает, что понятия династии, благородного дома, аристократической *familia* в раннее Новое время включали в себя личностные и вещно-пространственные аспекты, относясь и к общему имуществу и месту проживания, и к связанной с этим местом группе людей, и, наконец, к общности, которую образовывал род как группа, определяемая общими предками. Элитарная семья выступала как коллективный организм, опирающийся на глубину поколений, длительную цепь рода. Обозначая одновременно и место жительства, и человеческую группу, «дом» и «династия» составляли совокупность семейной жизни в среде аристократии [8. С. 51, 54]. По мнению автора, жилище аристократии – как дворец, имевший репрезентативные функции, так и «дом усопших», как место поминовения умерших – являлось местом локализации власти [9. С. 322].

Династия играла чрезвычайно важную роль для определения жизненного пути, карьеры, личной и социальной идентичности представителей элиты. В сословном обществе раннего Нового времени положение отдельного человека определялось, прежде всего, его происхождением. С одной стороны, дворянин всегда уже кем-то являлся, прежде чем кем-то стать; с другой – индивидуальная деятельность человека или его успех были значимы не столько сами по себе, сколько в перспективе усиления чести семьи. Социальное происхождение являлось точкой отсчета, исходя из которой дворянство обосновывало свое привилегированное положение; честь семьи имела значение для сохранения ее позиций в обществе. Аристократический дом, весь связанный с ним образ жизни внушал уважение, являлся основанием власти и авторитета, понимался как носитель социально значимых и редких качеств, которые должны были передаваться по наследству [8. С. 57].

В немалой степени эти качества обретались именно благодаря женщинам, игравшим важную роль в политической и социальной стабилизации династии. Так, от женщины не в последнюю очередь зависело сохранение достойного имени рода. Посредством брака как отдельный человек, так и род в целом могли в символическом плане многое выиграть и многое потерять. Не случайно в дворянской среде принято было называть не только семью происхождения, но и ту, с которой был заключен брачный союз [2. С. 23; 8. С. 65]. Другим важным фактором были дети и рождение наследников. В этой связи имели значения два обстоятельства. В условиях постоянной смертности, когда угроза бездетности была чрезвычайно высока, в браке для сохранения имени и рода должно было рождаться как можно

больше детей. От супружеского плодородия оказывалось зависящим очень многое, поэтому в жены старались выбрать женщину, родители которой отличались многодетностью. Череда рождений составляла важную часть чести семьи в целом, способствуя расширению численного присутствия семьи или династии в обществе. С другой стороны, особую роль играл мужской пол рожденных в браке детей, поскольку ведущим стремлением дворянства была передача наследства и имени, сохранение собственного благородного дома [4. С. 52; 8. С. 56–57]. Брак не должен был оставаться бездетным, иначе в свете династической политики он воспринимался как неудачный. В связи с этим интимная жизнь княжеских пар являлась объектом внимательного наблюдения, особенно до тех пор, пока порядок наследования еще не был твердо гарантирован. До наступления в княжеской семье беременности и рождения детей не прекращались коллективные молитвы по данному поводу [2. С. 19].

Таким образом, официальная и частная жизнь аристократии были в значительной мере сращены. Ведущей формой существования правящей элиты выступала династия, воплощавшаяся в вещных и в личностных формах. Положение человека в придворном обществе в значительной мере зависело от его семьи и сословного происхождения. Исходя из династического устройства высшей знати, определялась и роль, играемая в этой среде женщинами. От женщины зависело сохранение имени и сопутствующей ей чести семьи, дававших право на привилегии знатности. Удачный в династическом плане брак приносил мужчине и его семье в целом череду потомства, в том числе мужского, с которым связывались возможности сохранения и продолжения рода.

Исследователи считают, что в среде элиты брак являлся одним из самых значимых социальных отношений [8. С. 65]. Не удивительно поэтому, что в аристократических домах Германии раннего Нового времени немалое внимание отводилось процедуре поиска брачных партнеров и самому процессу оформления отношений сторон, приобретавшему важное политическое измерение [2. С. 16].

Согласно материалам, представленным Р. Дюльменом, процедура заключения брака включала в себя три важных элемента. На первом этапе родственники собирали сведения о будущей невесте и женихе и их семьях. Поскольку стратегии бракосочетания хозяев знатных домов были направлены на максимизацию семейной чести, стороны желали как можно больше узнать о происхождении и состоятельности друг друга.

После сбора информации и принятия решения происходил показ невесты и представление жениха, которые кончались пиром обеих семей, а также подарком невесте в качестве залога брака – процедуры, составляющие официальную и неофициальную части помолвки (*Verlobung*). В рассматриваемый период после помолвки было так же трудно вернуться снова к свободе, как в более позднюю эпоху освободиться от самих брачных обязательств. Жених практически не мог сделать это ни самостоятельно, ни даже вместе с невестой. Обещание жениться и скрепление его подарком означали нерасторжимость союза.

И, наконец, собственно законной основой заключения брака (*Eheschließung*) становилось составление брачного контракта (*Ehebrief*), в тексте которого оговаривался размер утреннего дара невесте, а также регулировались имущественные вопросы на случай смерти одного из супругов. Для обеспечения стабильного положения и возможностей выполнения соответствующей роли во время вдовства (особенно если оно окажется длительным), женщины-княгини и их ближайшее окружение стремились предпринять определенные меры. Одним из важных элементов подготовки была забота о виттуме (*Wittum*) – имуществе, выделяемом женщине при заключении брака именно для обеспечения ее существования после смерти супруга. Другой институт, который давал возможность женщине экономическую стабильность, – утренний дар (*Morgengabe*). Фактически женщины могли распоряжаться только этим оговоренным в брачном контракте имуществом [2. С. 24; 8. С. 59; 11. С. 141]. Церковь в данную эпоху играла в заключении брака вторичную роль; однако это не исключало наличие социального контроля. Если в народной среде в таком качестве с позднего Средневековья выступал обряд шаривари, то в среде правящей элиты – понятие чести семьи, которая являлась мощным регулятором взаимоотношений сторон. Рост контроля со стороны церкви произойдет только в ходе Реформации и конфессионализации, что позволило исследователям говорить о формировании, начиная с середины XVI в., принципиально новой модели бракосочетания [11. С. 143–145].

Исследователи обращаются также к другой важной составляющей заключения брака – его публичному оформлению. Так, Р. Дюльмен отмечает чрезвычайную значимость для всех участников организовавшегося после подписания контракта свадебного праздника. В верхних сословиях существовала практика письменного приглашения на свадьбу и официального участия в ней важных политических персон. Свадьба отмечалась в зависимости от материальных возможностей по-разному, однако имеющиеся примеры демонстрируют общую традицию не экономить при свадебных торжествах из-за боязни потери престижа. Многие семьи в этой ситуации ввязывались в непомерные траты и погружались в долги, часто на долгие годы. Праздничные мероприятия по поводу заключения брака, как правило, длились от одного до нескольких дней – до тех пор, пока невеста официально не переехала в дом жениха. По мнению Р. Дюльмена, сопутствующее им расточительное и ритуализированное оформление было сопоставимо только с церемониями, предпринимаемыми при рождении и смерти. Историк отмечает, что во второй период раннего Нового времени свадьба утратит столь большую роль, станет носить более приватный, интимный характер [11. С. 154, 156].

Т. Ран, исследуя княжеские свадьбы эпохи раннего Нового времени, начиная со второй половины XVI в., а также ее истоки в предшествующую эпоху, непосредственно обращается к политическому измерению этого праздника. Ученый показывает, что свадьба имела целый ряд символических пластов. Рыцарский поединок должен был демонстрировать мужскую и политическую силу участников; украшение дворца правителя

производилось с целью создания ассоциации с образом рая; обширные траты и общее величие действия служили выражением, с одной стороны, политического союза князя и гостей-подданных, которых князь кормит и обеспечивает, с другой – дистанции, отделяющей власть [12. С. 20, 114 и др.; 13. С. 527]. Еще один важный аспект, к которому обращается Т. Ран – формы представления самих вступающих в брак. Исследователь отмечает, что невеста презентовалась как фрукт, созревший плод. Ее красота выступала не столько как эстетическое свойство, сколько как символ плодородия. Аналогичное значение придавалось и внешней привлекательности мужчины, мужественность которого должна была служить признаком вирильности [12. С. 113–114].

К. Нольте отмечает, что телесный вид и физическое состояние князя и княгини не являлись только личным или семейным делом. Князь должен был в молодости получить хорошее физическое развитие, прежде всего, посредством телесных тренировок. Следить за его здоровьем было задачей придворного окружения. Правителю следовало появляться в политическом пространстве в полном расцвете сил [4. С. 51–52]. Исследовательница приводит случаи сокрытия телесной немощи правителя. Явление княгини также было предметом официального обсуждения, по ее внешнему виду судили, ждет ли династию в будущем процветание. Когда Елизавета Гессенская в 1517 г. прибыла в Лейпциг на свою свадьбу с Иоганном Саксонским, население отчетливо продемонстрировало недовольство ее внешним видом, не отвечавшим, по мнению окружающих, задачам обеспечения династии необходимым потомством [4. С. 52].

Таким образом, в раннее Новое время в княжеском пространстве Германии имели большое значение процедура поиска брачных партнеров и самого заключения брака. Они включали в себя сбор информации о происхождении и чести семьи, с которой предстояло заключить союз, помолвку и собственно оформление отношений сторон. Свадебный праздник в придворной среде наряду с переходными церемониями, сопровождавшими рождение и смерть, имел политическое измерение, служа делу репрезентации власти и плодородия династии. Свадебные торжества представляли собой развернутые действия с целым комплексом обязательных элементов. Причем помимо собственно действия создавались тексты описаний княжеских свадеб, как стихотворные, так и прозаические, служившие формой династической и государственной памяти, политической консолидации страны.

В отношении положения женщин и взаимоотношения полов в среде правящей элиты Германии начала раннего Нового времени можно выделить три главных вопроса: участие женщин в официальной (политической сфере), их место в рамках аристократического дома/династии, политические аспекты процесса заключения брака и свадебных церемоний. В целом следует отметить, что, несмотря на отсутствие возможности прямого наследования власти, женщина имела достаточно важные политические прерогативы. Жена правителя вместе с ним выполняла функцию репрезентации власти; могла брать на себя обязанности регентства в

условиях отсутствия, болезни или смерти супруга. Нередкими были ситуации осуществления княгиней непосредственного управления страной при несовершеннолетнем наследнике, в других случаях она играла символическую роль, воплощая собой своей фигурой комплекс религиозных и политических ценностей. В рамках имевшего чрезвычайно важную роль в имперско-княжеской среде Германии института династии женщине отводилась роль передачи знатности имени,

обеспечения чести семьи и семейного плодородия. Эти факторы предопределили значение династической матримонимальной политики, которая в рассматриваемую эпоху находилась в сфере особого общественного внимания. Процедура поиска брачного партнера и оформления отношений сторон имела политическое измерение и воплощалась в особые церемониально-репрезентативные формы, являвшиеся частью общей системы политических практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wiesner M.* Herzogin Elisabeth von Braunschweig-Lüneburg (1510–1558) // Deutsche Frauen der Frühen Neuzeit. Dichterinnen, Malerinnen, Mäzeninnen / Hrsg. K. Merkel und H. Wunder. Darmstadt: Primus, 2000. S. 39–48.
2. *Wunder H.* Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Geschlecht // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit: geschlechter und Geschlecht / Hrsg. H. Wunder. Berlin: Duncker und Humblot, 2002. S. 9–27.
3. *Bepler J.* «im dritten Gradu ungleicher Linie Seitwärts verwandt». Frauen und dynastisches Bewusstsein in den Funeralwerken der Frühen Neuzeit // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit: geschlechter und Geschlecht / Hrsg. H. Wunder. Berlin: Duncker und Humblot, 2002. С. 135–160.
4. *Nolte G.* der leib der hohst schatz – Zur fürstliche Körperlichkeit, Gesunderhaltung und Lebenssicherung (1450–1550). Familien- und alltagsgeschichtliche Perspektiven // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter (Symposium «Fürstin und Fürst». 2002, Mainz) / Hrsg. J. Rogge (Mittelalter-Forschungen; 15). Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 45–92.
5. *Walsh C.* Die Fürstin an der Zeitenwende zwischen Representationsverpflichtung und politischer Verantwortung // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. (Symposium «Fürstin und Fürst». 2002, Mainz) / Hrsg. J. Rogge. (Mittelalter-Forschungen, 15). Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 265–279.
6. *Puppel P.* Der Kampf und die vormundschaftliche Regenschaft zwischen Landgräfinwitwe Anna von Hessen und der hessischen Ritterschaft (1509/1514–1518). Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter (Symposium «Fürstin und Fürst». 2002, Mainz) / Hrsg. J. Rogge (Mittelalter-Forschungen, 15). Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 247–263.
7. *Puppel P.* Scheepers, Rajah, Regentin per Staatsstreich? Landgräfin Anna von Hessen (1435–1525), Königstein 2007, Ulrike Helmer Verlag, 359 s. // Zeitschrift für historische Forschung. 2008. № 2 (35). S. 326–328.
8. *Bastl B.* Lebensstationen: Tochter, Mutter, Ehefrauen, Witwen Quellen und Kontexte im europäischen Landervergleich. Aspekte adeligen weiblichen Daseins // Frauen in Europa. Mythos und Realität. Documente und Schriften der Europäischen Akademie Otzenhausen / Hrsg. B. Lundt, M. Salewski, H. Timmermann. Munster: Lit, 2005. С. 49–75.
9. *Zeilinger G.* Nolte, Corciula, Familie, Hof und Herrschaft. Das verwandtschaftliche Beziehungs und Kommunikationsnetz der Reichsfürsten am Beispiel der Markgrafen von Brandenburg-Ansbach (1440–1530) (Mittelalter-Forschungen, 11). Ostfildern 2005, Thorbecke, 472 s. // Zeitschrift für historische Forschung. 2007. № 2 (34). S. 321–322.
10. *Koldau L. M.* Musikalische Botschafterinnen: Frauen als Trägerinnen eines europäischen Kulturtransfers der Frühen Neuzeit // Frauen in Europa. Mythos und Realität. Documente und Schriften der Europäischen Akademie Otzenhausen. Lit / Hrsg. B. Lundt, M. Salewski, H. Timmermann. Munster: Lit, 2005. S. 112–136.
11. *Dülmen R. v.* Kultur und Alltag in der Frühen Neuzeit. Bd. 1. Das Haus und seine Menschen 16–18. Jahrhundert. München: Beck, 2005. 316 s.
12. *Rahn T.* Festbeschreibung und Topik einer Textsorte am Beispiel der Beschreibung höfischer Hochzeiten (1568–1794) (Frühe Neuzeit. Bd. 108). Tübingen: Niemeyer, 2006. 310 s.
13. *Bepler J.* Rahn, Thomas, Festbeschreibung. Funktion und Topik einer Textsorte am Beispiel der Beschreibung höfischer Hochzeiten (1568–1794), Tübingen 2006, Niemeyer, VII u. 310S./25Abb // Zeitschrift für historische Forschung. 2008. № 4 (35). S. 526–528.
14. *Freist D.* Geschlechtergeschichte: Normen und soziale Praxis. Politische Partizipation und Herrschaft // Frühe Neuzeit / Hrsg. A. Völker-Rasor. (Oldenbourg Geschichte-Lehrbuch). München: Oldenbourg, 2000. S. 193–196.
15. *Bautz Fr. W.* Elisabeth von Münden // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. 1. 1990. Sp. 1495–1497. URL: http://www.bautz.de/bbkl/e/elisabeth_v_mue.shtml
16. *Merkel K., Wunder H.* Dichterinnen, Malerinnen und Mäzeninnen im Heiligen Romischen Reich Deutscher Nation // Deutsche Frauen der Frühen Neuzeit. Dichterinnen, Malerinnen, Mäzeninnen / Hrsg. K. Merkel, H. Wunder. Darmstadt: Campus. 2000. S. 7–18.
17. *Tiller E.* Frau im Spiegel: die Selben und die Andere zwischen Welt und Text: von Herren, Fremden und Frauen, ein 16. Jahrhundert. F.-a.-M.: Lang, 1996. 973 s.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2011 г.